

ОЖЕРЕЛЬЕ

В полночь прокукарекал петух. Много часов назад солнце скрылось в пелене туч над западными холмами. Ветер сотрясал стены дома: должно быть, над Северным морем пронеслась гроза, подумал Джек. В небесах, небось, черным-черно, как на свинцовом руднике, и даже укрытую снегом землю не разглядеть. Когда взойдет солнце — если взойдет! — оно просто-напросто затеряется в серой хмари.

Петух закукарекал снова. Слышно было, как птица когтями скребет по дну корзинки, словно удивляясь, куда подевалось уютное гнездышко и куда попрятались теплые соседи. В своем лукошке он сидел один-одинешенек.

— Потерпи, это ненадолго, — утешил Джек птицу. Петух буркнул что-то невразумительное и, повозившись, успокоился. Он еще закукарекает — и будет кукарекать снова и снова, пока не выйдет солнце. Петухи —

они такие. Всю ночь станут кричать, чтобы уж наверняка сработало.

Джек сбросил с себя покрывало из овечьих шкур. Угли в очаге еще тлели, но вот-вот должны были погаснуть. Сердце у Джека екнуло. Нынче — Малый Йоль, самая длинная ночь года, и Бард загодя повелел погасить в деревне все огни. Прошлый год выдался слишком опасным. Из-за моря явились берсерки — и лишь по чистой случайности не вырезали всю деревню. Незадолго до того викинги уничтожили Святой остров. Кого не утопили, не сожгли и не изрубили на куски, тех увезли в рабство.

Пора начать сначала, сказал Бард. Пусть ни искры огня не останется в небольшом селении, которое Джек привык считать домом. Новый огонь родится из земли. Бард называл его «огонь бедствия». Без него всё зло минувшего перейдет в наступающий год. Если пламя не вспыхнет, если земля откажет в огне, инеистые великаны поймут: их час пробил. Они сойдут вниз из своих ледяных крепостей на далеком севере. Гигантский зимний волк проглотит солнце, и свет не вернется вовеки.

Да ладно, это все дремучие суеверия, подумал Джек, натягивая башмаки из телячьей кожи. Теперь, когда в деревне живет брат Айден, люди знают, что старые поверья должно отринуть. Низенький монашек сидел перед своей хижинкой, похожей на пчелиный улей, и говорил со всеми, кто соглашался слушать. Он мягко поправлял людские заблуждения и толковал селянам о благодати Господней. Рассказчик он был отменный — почти не уступал Барду. Люди слушали его охотно.

Но сейчас, во тьме самой долгой ночи в году, в Господню благодать трудно было поверить. Господь не защитил

Святого острова. Зимний волк рыщет на воле. Голос его слышен в ветре, и воздух звенит кличами инеистых великанов. Так что разумнее всего следовать древним обычаям.

Джек вскарабкался по приставной лестнице на чердак.

— Мам, пап! — позвал он. — Люси!

— Мы не спим, — откликнулся отец. Он уже закутался потеплее перед долгой дорогой. Мать тоже собралась, а вот Люси упрямо натягивала на себя одеяла.

— Отстаньте от меня все! — захныкала она.

— Сегодня же день святой Луции, — увещевал отец. — Ты будешь самой главной во всей деревне!

— Я и так самая главная.

— Да что ты говоришь! — возмутилась мать. — Главнее Барда, или брата Айдена, или самого вождя? Надо бы тебе поучиться смирению.

— Так ведь она ж похищенная принцесса, — ласково подсказал отец. — Ей так пойдет новое платье!

— Еще как пойдет! — подтвердила Люси и соизволила наконец встать.

Джек спустился по лестнице вниз. В этом давнем споре мать всегда проигрывала. Она изо всех сил пыталась научить Люси, как себя вести, но отец вечно ставил ей палки в колеса.

Джайлз Хромоног воспринимал дочку как величайшее чудо, случившееся в его жизни. Сам он страдал неизлечимой хромотой. И он, и его жена Алдита, выносливые да крепко сбитые, особой красотой не отличались; от работы в полях лица их потемнели и обветрились. Никто не заподозрил бы в них благородной крови. Джек знал: вырастет он в точности похожим на родителей. А вот у Люси

волосы были словно полуденное солнышко, а глаза сияли фиалковой синевой вечернего неба. Двигалась она с живой грацией, едва касаясь земли. Джайлз, с его неуклюжей косолапой походкой, не мог не восхищаться дочкой.

Джек поворошил в очаге: пусть напоследок пыхнет жаром! Мальчик признавал, что за последний год его сестре довелось немало пережить. Она насмотрелась на кровопролития, угодила в рабство в Скандинавии. Сам он, правда, тоже, но ему-то было тринадцать, а ей — только семь. Джек был готов закрыть глаза на ее раздражающие замашки. Ну, по большей части.

Он подогрел сидр, а заодно и овсяные лепешки — на камнях у огня. Мать была занята: причесывала и наряжала Люси, а та не переставала жаловаться. Отец спустился выпить сидра.

Петух прокукарекал снова. Джек и отец разом замерли. В древние времена говорилось, будто в ветвях Иггдрасиля живет золотой петух. Поет он в самую темную ночь года. Если ему ответит черный петух, который живет под корнями Великого Древа, значит наступил Конец Света. Но ответного крика не последовало: небеса не содрогнулись, не отозвалась эхом земля. Лишь северный ветер порывами сотрясал стены дома. Отец с сыном успокоились и снова принялись смаковать свой напиток.

— Ну почему у нас нет зеркала? — закапризничала Люси. — Отчего бы не купить зеркало у торговцев-пиктов? Джек ведь привез домой целую кучу серебра!

— Это на черный день, — терпеливо объясняла мать.

— Да ну вас! Я хочу, хочу на себя полюбоваться! Я точно знаю, я — красавица!

— С лица воды не пить, — откликнулась мать.

На самом деле часть серебра Джек утаил от родителей. Бард посоветовал ему закопать половину под полом древней римской виллы, где старик жил. «Мать у тебя женщина здравомыслящая, но вот у Джайлза Хромонога — ты уж меня прости, парень! — мозгов меньше, чем у совы!»

Отец часть своей доли потратил на алтарь для брата Айдена и на ослика для Люси. Остальное приберег на тот счастливый день, когда Люси выйдет замуж за рыцаря или — бери выше! — за самого настоящего принца. Откуда взяться принцу в крохотной деревушке вдали от главных дорог, оставалось неразрешимой загадкой.

Девочка спустилась наконец вниз и закружилась на месте, похваляясь пышным нарядом. На ней было длинное белое платье из тончайшей шерсти. Его привезли из Эдвинзтауна, с далекого севера. Сделать такую ткань матери не под силу: ее овцы дают шерсть грубую, серую. А вот желтый пояс мать соткала своими руками и выкрасила его собранной пчелами пыльцой.

Люсины золотые кудри венчала перистая зеленая корона из тисовых веточек. На взгляд Джека, ничуть не хуже настоящей. Он один понимал истинный смысл этой короны. Бард рассказывал, будто тис хранит дверь между мирами. В самую долгую ночь года эта дверь стоит открытой. Во время обряда вызывания «огня бедствия» Люси предстоит закрыть ее, и девочке нужна защита от того, что ждет по другую сторону.

— А я знаю, что пойдет к этому платью, — мое серебряное ожерелье! — вспомнила Люси.

— На тебе не должно быть никакого металла, — резко оборвала ее мать. — Бард сказал, это запрещено.

— Он язычник, — отозвалась Люси. Она только что выучила новое слово.

— Он мудрый человек, не смей отзываться о нем непочтительно!

— Язычник, язычник, язычник! — издевательски запела Люси. — Демоны сцапают его длинными когтями и утащат прямехонько в ад!

— А ну, надевай плащ, дерзкая девчонка. Нам пора.

Люси увернулась от матери и ухватила отца за руку.

— Ты мне разрешишь надеть ожерелье, правда, папочка? Ну пожалуйста! Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! — Она склонила головушку набок, точно озорной воробушек, и сердце у Джека упало. Сестренка такая очаровашка — сплошь улыбки да золотые локоны!

— Ожерелья ты не наденешь, — отрезал Джек. Уголки губ Люси тут же поползли вниз.

— Оно мое! — взвизгнула она.

— Пока еще нет, — возразил Джек. — Ожерелье отдано мне на хранение. И когда ты его получишь, решать мне.

— Ты вор!

— Люси! — воскликнула мать.

— Алдита, да что в том дурного-то? — впервые вмешался отец. Одной рукой он обнял дочку, а та потерлась о его куртку щекой. — Брат Айден говорит, сегодня день святой Луции. Разве мы не почтим святую, нарядив ее тезку во все лучшее?

— Джайлз... — начала было мать.

— Уймись. Я говорю, пусть наденет ожерелье.

— Это опасно, — запротестовал Джек. — Бард говорит, металл может осквернить «огонь бедствия», потому

что никогда не знаешь, где он побывал. Если металл был частью оружия или использовался еще для какой-нибудь злой цели, он отравит жизненную силу.

После возвращения Джека из земли скандинавов Джайлз обращался с мальчиком куда уважительней, однако не хватало еще, чтобы сын отцу выговаривал!

— Это мой дом. И я здесь хозяин, — отрезал Джайлз Хромоног. И направился напрямик к сундуку со всяким ценным добром. Люси нетерпеливо приплясывала рядом.

Отец снял с ремешка на шее железный ключ и отпер сундук. Внутри хранилось кое-что из материнского приданого: отрезки ткани, вышивки, несколько украшений. А на самом дне — груды серебряных монет и золотая монета с портретом римского императора, когда-то найденная отцом в саду. Там же, завернутое в тряпку, лежало ожерелье из серебряных листьев.

Странный блеск его завораживал, притягивал взор. Джек отлично понимал, почему Люси так мечтает об этой вещице. Украшение было похищено викингами в одном из набегов, его потребовала себе Фрит Полутрольша, а со временем оно вернулось к воительнице Торгиль. Торгиль прямо влюбилась в ожерелье, что само по себе было странно: она презирала женские слабости, всякие там побрякушки и умывание. Но потом Торгиль, в глазах которой страдание имело куда большую ценность, нежели серебро, подарила свое ненаглядное сокровище Люси.

С самого начала в том, что касалось ожерелья, девочка повела себя не лучшим образом. Она твердила, будто украшение подарила ей Фрит: королева-де обращалась с ней как с настоящей принцессой. А когда Джек

напомнил сестренке, как все было на самом деле — злобная полутрольша держала ее в клетке и собиралась принести в жертву, — Люси закатила истерику. Тогда-то Джек и забрал у нее ожерелье на хранение.

— О-о-ох! — воскликнула Люси, надевая украшение.

— А вот теперь нам и впрямь пора идти, — объявил отец, запирая сундук. Он загодя зажег два фонаря, а мать уложила в суму несколько своих драгоценных свечей из пчелиного воска. Джек плеснул водой на угли, и в воздухе за клубились дым и пар. В комнате стало темно, слабо светились только две буроватые точки за стенками роговых фонарей.

— Смотри, чтоб ни искры не осталось, — прошептала мать.

Джек раздробил угли кочергой и плеснул еще воды. Теперь над каменными плитами очага ощущалось разве что угасающее тепло.

Отец открыл дверь, и в дом ворвался порыв ледяного ветра. В корзинке закричал петух, по полу покатились чашка.

— Сколько можно копать! — рявкнул отец, как будто это мать с Джеком всех задержали.

На улице повсюду лежал снег, в тусклом свете фонаря видно было от силы на пару шагов вперед. Небо затянули облака.

Отец привел ослицу для Люси. Ромашка была животинкой послушной и терпеливой — брат Айден выбрал ее за добрый нрав, но тут ее пришлось силком тащить из загона. Ромашка упиралась до тех пор, пока отец не шлепнул ее в сердцах и не усадил Люси ей на спину. Ослица дрожала всем телом, из ноздрей у нее шел пар.

— Милая, славная Ромашка, — проворковала Люси, обнимая ослицу за шею. Девочка была закутана в тяжелый шерстяной плащ с капюшоном, и полы его ниспадали по бокам Ромашки. Наверное, ослице стало немного теплее: она перестала сопротивляться и покорно пошла за отцом.

Джек шагал вперед с фонарем. Брели путники медленно: дорога обледенела, а местами навалило снега. Джек то и дело пробирался к обочине, чтобы найти дорожную веху. Один раз семья сбилась с пути: они поняли, что зашли не туда, только когда Джек уткнулся в дерево.

Порывами налетал ветер, в воздухе плясали снежинки. Джек прислушался: донесся крик петуха. Нет, это не золотая птица на ветвях Иггдрасиля. Это всего-навсего бойцовый петух Джона Стрельника, что не давал спуска всем прохожим.

Путники добрались до кучки домов и повернули у жилища кузнеца.

— Огня нет, — прошептала мать.

Джек поежился от холода еще более жуткого, чем мороз зимней ночи. Кузня, где докрасна нагревались железные прутья, была черна, как наковальня под дубом.

Никогда на его памяти в кузне не гас огонь. Это же сердце деревни: сюда люди сходятся поговорить, здесь после долгого пути можно ноги отогреть. А теперь огонь погас. Скоро погаснут все огни, в том числе и две буроватые искорки света в их фонарях.

Нужно будет призвать новый огонь — с помощью дерева, что вобрало в себя силу земли. Ибо для того, чтобы повернулось колесо года, необходим живой огонь, «огонь бедствия». Только тогда инеистые великаны вернуться к себе в горы, и дверь между мирами затворится.